

ИЛЪЯС СИБГАТУЛИН
БОЙ КУХУЛИНА С ФЕРДИАДОМ

16+

Ильяс Сибгатулин

Бой Кухулина с Фердиадом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50287012

SelfPub; 2026

Аннотация

Вольная интерпретация известной ирландской легенды. Место действия перенесено в XVIII век, в южные земли начинающих формироваться США. Повесть рассказывает о встрече и сражении двух великих героев Кухулина "Серого глаза" – индейского воина-чероки и Джона Фердиада – капитана отряда гренадеров Британской армии Его Величества.

Ильяс Сибгатулин

Бой Кухулина с Фердиадом

Яркие всполохи света от далеких взрывов озаряли вечернее уставшее небо. Закрадываясь за облака, вспышки освещали причудливые кучевые формы.

Я не мог видеть направления взрывов, лежал в воде, лицом к озаряющемуся небу, задыхающемуся от дыма и гари.

Чувствовал лишь неполноценность себя самого, будто меня разорвало на куски.

А может, так оно и было...

С пушками ирокезы обращались отлично. Наши родные кулеврины-45, если память мне не изменяет.

Хотя, кто меня знает... может, я и ошибаюсь.

Но я знал наверняка, пушки были крайне нагло перетасены в форт с наших фрегатов. Кулеврины у нас обычно заряжались разрывными ядрами – бомбами.

Что это значит?..

А то, что каждая бомба будет взрываться при попадании в цель. Что, собственно говоря, со мной и случилось. Разорвалась одна такая прилетевшая бомба в пяти ярдах от меня.

Швырнуло так, что я кубарем покатился в соседствующий с нашим укреплением ручей. Вот и оказался в воде, когда мой отряд ринулся освободить награбленное ирокезами имущество.

Ох, уж эти краснокожие!.. Доберусь до них, задницы всем надеру! Уж пульт мне хватит, а если – нет, то сабля поможет!

Только бы выбраться из воды...

Хотя нет, убивать я никого не собирался. Скорей так – пар выпустить. Хватит с меня смертей.

Так для начала выбраться бы.

А для этого мне нужно было понять, что я сейчас из себя представляю: боевую единицу армии Его Величества или же окровавленные ошметки, которые некогда были Джоном Фердиадом.

Шевельнул рукой – сначала левой, затем – правой. Почув-

ствовал, как по правой струится что-то тёплое и медленно затекает под камзол.

Поднес руку к глазам, и на меня полилась соленая кровь.

Не хватало по фаланге на безымянном и мизинце.

Ничего страшного – с саблей справлюсь как-нибудь.

Остальное, на первый, но опытный взгляд, было в порядке.

Я поднялся на ноги. Но сделал это специально медленно, чтобы голова после лёгкой контузии не болела так сильно.

Всё же, как не крути, я причислял себя к бывалым воякам. Пятый год в звании капитана и целый отряд гренадеров армии Его Величества под командованием.

...Умудрились же мы занять старый форт на территории краснокожих (он был построен еще первыми колонистами в 1682-м и сейчас в нем жили жалкие остатки французских поселенцев).

Племя чероки, чей вождь – Свистящий ветер – некогда был грозой всех местных жителей, потому что однажды смог одолеть в одиночку целую стаю волков, защищая свою же-

ну и дочь, а сейчас пользовался своей затухающей репутацией...

Так вот, племя это отличалось быстрой приспособляемостью к окружающим переменам. Когда на их территории свободные жители-колонисты стали строить первый поселок и рядом форт, то чероки моментально захватили оба объекта и научились управляться с ружьями, пушками и прочими видами оружия «белых».

После этого уже ни один американец, англичанин или француз не смел пройти по землям краснокожих без их ведома.

Так было, пока в русло реки Миссисипи не вошли два фрегата под флагом Великой Британии.

Индейцы не оказали нам радушного приема, а искать тех американцев, которых нам приказали всеми правдами и неправдами доставить в Англию, у нас времени не было. Вот и вступили в бой с целым племенем ирокезов, не добрых и кровожадных.

Нас было сто двадцать гренадеров – два отряда – и еще в добавок около двух сотен моряков, которые, к полному удивлению капитана Митчелла, решили покинуть берега Нового

Света после первой же стычки с аборигенами.

... Медленно, короткими шагами я дошел до опрокинутого взрывом воза с провиантом. Красно-белый мундир был весь в грязи, а перевязь с саблей я потерял, как и мушкет. Его-то и свою старую булатную «подругу» я и пытался найти сейчас в обломках небольшого укрытия.

Битва с ирокезами сместилась сейчас в форт, поэтому я мог преспокойно шарить в пыльной земле впотьмах. Благо, хоть канонада из пушек иногда помогала в поисках, на мгновения озаряя степную окрестность.

Как же мне опротивела эта война!

Хоть я и преданный слуга Его Величества, но сражаясь за земли, давно потерянные для Короны, я и сам потерял всякий смысл сражаться. Я больше не чуял вкуса войны, запаха гари от порохового дыма, криков своих солдат. Мне опротивела война. Поэтому и не бежал сейчас опрометью в бой, спасать своих бойцов. А, кряхтя и ругаясь, искал свою саблю и мушкет.

Вдруг в кустах, у ручья раздался шорох и хруст веток.

Я насторожился.

«Краснокожий?!»

Весьма могло быть.

Благо, к моему счастью, я нащупал, не глядя, рукоять сабли и тут же прижал клинок к себе.

Взгляд не отрывал от кустов.

В ветвях снова зашуршало.

– Кто там? – спросил я так, чтобы меня слышали в кустах.

Незамедлительно последовал ожидаемый ответ – из тьмы молнией вылетело копьё дородных размеров.

«И кто меня за язык дёрнул спросить!»

Я увернулся.

– Как ты смеешь метать копьё в капитана Фердиада? – возопил я. – Покажись, чероки!

На этот раз к опрокинутому возу вышел крепкий индеец.

Его кожаные штаны были мокры, как и мокасины, значит, шел по ручью... шел на помощь к своим.

– Ты один? – спросил я на английском языке.

– Да, я приходите один, – был мне ответ на ломаном диалекте.

– Идешь помогать соплеменникам, ирокез?

– Нет. Ухожу.

«Как уходит?! – я слегка опешил, – Ни разу на моей памяти абориген не покидал место битвы с «белыми» людьми... да еще и без скальпа».

– Почему уходишь? – я был насторожен.

– Война надоела...

– Как тебя зовут? Назови мне своё имя, ирокез.

– Я Кухулин – Серый глаз.

– Меня же звать капитаном Джоном Фердиадом.

– Фердиад, – медленно повторил индеец, словно пробуя слово на вкус.

Он почти сливался с окрестным мраком.

Я ждал.

Он тоже.

Рука ныла, я чувствовал, как под перевязкой пульсирует рвущаяся наружу кровь.

Мыслями я старался сосредоточиться на Кухулине.

Он стал мне интересен.

В нём угадывался опытный воин и следопыт.

Я ждал.

Он больше не захотел делать того же...

Медленными и короткими шагами Кухулин стал выписывать круг, двигаясь от воза в мою сторону.

Я начал делать то же самое.

Что же он не нападает? Бывалый вояка – уже приноровился к моей поступи и скорости шага.

Высматривает слабинку? Да вот же она – я без двух пальцев, контуженный!..

Что ж ты, чероки хитролицый, не бежишь на меня?..

Давай! И я распорю тебе живот саблей... или ты меня затопчешь, как блоху! Давай, действуй! Только не играй со мной в эти игры. Я слишком устал...

Мы завершили круг, и я, наконец, увидел причину пассивности необычайно спокойного индейца.

Копье.

Он поднял его очень быстро, но так бережно, будто подавал руку английской леди с Пикадилли.

– Откуда ты знаешь язык «белых»? – неожиданно для самого себя спросил я у Кухулина.

– «Белые» люди добры, но не многие. Они обучили. А потом другие «белые» всё разрушили.

– Что же ты не отомстишь? Не защитишь своё племя?

– Индейцы неправильно воевать. Ни за то. И «белый» человек – тоже ни за то. Но если «Белый» притронется к жилищу Кухулина и его племени, «белый» умрет! Умрет от моего Габульга, – он поднял копьё в воздух.

– Справедливо, – рассудительно заметил я, – я тоже бы защищал свою семью. Но сейчас мои солдаты умирают, я должен помочь. Не мешай, Серый глаз.

– Вот и иди, «белый» человек, Фердиад. А Кухулин пойдет в свой вигвам.

Послышались выстрелы – битва снова приближалась к разрушенной баррикаде.

Я посмотрел на почерневший Восток – англичане гнали индейцев в нашу сторону.

Шорох.

Я огляделся.

Кухулина – Серого глаза нигде не было видно.

Ко мне подбежали уставшие, раненые, но всё же радостные гренадеры.

– Капитан! – окликнул меня лейтенант Шпинг, – Мы отогнали краснокожих! Форт снова наш!

– Хорошо. Сколько наших погибло?

– Не могу сказать точно, сэр. Но потери не велики.

– Хорошо. Собираемся и возвращаемся в форт.

– Но как же погоня, капитан?! – удивился Шпинг, – Разве нам не подобает догнать этих сволочей и убить всех до одного! Они разорили наше укрепление и корабли!

– Нет, лейтенант! – я резко прервал его, – мы отходим. Больше никаких смертей на сегодня.

На следующий день Джон Фердиад проснулся поздно. Солнце уже добралось до зенита, а капитан только-только

умылся в поставленном на улице тазу с холодной водой. Ночью он спал крепко, несмотря на распухшие и ноющие пальцы.

После умывания Джон отдал лейтенанту приказ трубить построение, а сам уселся на ступеньки небольшой хижины, расположенной у южной стены форта, и начал промывать отстрелянные пальцы. Заражения не было, поэтому капитан просто макнул руку в банку со спиртом, а потом, зарывав от боли, быстро перевязал рану. Голова закружилась, но бывалый вояка не дал себе слабину. Зато боль окончательно развеяла сон, и капитан английской армии даже взбодрился.

Он все думал о том индейце, Кухулине, не захотевшим драться с капитаном и полностью проигнорировавшим войну с белыми людьми.

«Ну, почему? Почему в родном Лондоне за 35 лет жизни я ни разу не встречал родственную душу, понимающую меня и принимающую мои взгляды на жизнь. А стоило вступить на землю Нового Света, так сразу же нашел такого человека! Как же жаль, что этот Кухулин из краснокожих. Я думаю, нам было бы, о чем поговорить».

Мысли капитана прервал подошедший к нему лейтенант Шпинг.

– Сэр, гарнизон построен по вашему приказу.

– Отлично, Джеймс. Сколько людей из прислуги форта осталось в живых?

– Шесть человек, сэр.

– Хорошо. Узнай у них, где живут те индейцы, что напали на нас вчера.

-Да, капитан.

Фердиад встал.

– А я пойду оденусь.

Капитан поднялся по ступенькам, по дороге ощупывая раненую руку – пальцы болели, но гниения не было. Поэтому Джон, слегка улыбнувшись, надел свой камзол и вышел во внутренний двор форта.

Солдаты, построены в ровные шеренги, ждали меня.

Снова подошел Шпинг, его лицо покраснело от натуги и жары, мундир явно жал ему в груди. Лейтенант отдал честь и доложил.

– Сэр, местная повариха сказала, что это были чероки из речного племени. Их деревня находится в десяти милях к северу отсюда.

– Что ж им все нейдет. Зашли в такую даль просто для того, чтобы поугагать нас что ли?.. – меня часом уже раздражало такое соседство, хоть мы и были в Новом свете новичками, – Как там капитан Митчелл?

– Лежит в лазарете. Сестры из прихода Святой Марии, что рядом с фортом, подлатали его, сэр. Но капитан Митчелл напился ночью и чуть не придушил одну из монашек, думая, что она из индейцев. Его связали, но утром он попросил отпустить его.

– И что же вы?

– Я развязал путы, взяв с него слово, что он пить сегодня не будет, – высокий Шпинг пожал плечами, – вы же знаете его, капитан, Митчеллу не верит даже собственная жена. Поэтому я на всякий случай убрал подальше все спиртное.

– Да, устроил старикан нам проблемы.

Я уже пять лет служил бок о бок с Дэном Митчеллом, отличным воякой, который был на десяток лет старше меня, но так и остался в звании капитана, потому что из-за пьяных выходок выше его никто не решался поднять. Вчера, во время штурма крепости, Дэн получил пулю в живот. Слава Деве Марии, что он остался жив, ведь, если б я погиб, то гарнизоном командовал бы он. А с его горячностью и жаждой быстрой расправы, гренадеры атаковали бы племя чероки еще вчера ночью, усталые и измотанные. И это скорей всего была бы последняя атака моего гарнизона.

– Ладно, Джеймс, трубите на марш и отправляйтесь на север. Я загляну к нашему дебоширу и догоню вас на разъезде, что в двух милях отсюда.

– Есть, сэр.

Лейтенант Шпинг еще раз отдал честь и пошел отдавать

приказы. Вскоре я уже мог наблюдать, как гарнизон почти в полном составе марширует по пыльной дороге, идущей на запад, а через две мили, у разъезда, круто забирающей на север.

Я вздохнул и пошел в сторону основного здания форта, где располагался лазарет.

Мой старый друг Дэниел Митчелл встретил меня хмурым, даже злобным, взглядом и тирадой возмущений, суть которых сводилась к незаконному лишению капитана положенного ему количества спиртного.

– Успокойся, Дэн! – я сел, усмехаясь, – это был мой приказ.

– Зачем ты так говоришь? Я же знаю, что это чёртов Шпинг!

– Ну, не отдам же я тебе своего лейтенанта на растерзание, – я вновь улыбнулся. Но Митчелл мой оптимизм не поделил.

Я вздохнул, что ж ты поделаешь с этим скрягой.

– Как рана, Дэн? – я решил пойти на мировую.

– Царапина, Джон, – ответил мне все тем же тоном Дэн, – Ты лучше не будь скотом и принеси мне бутылку привезенного виски и мое снаряжение.

– Во-первых, для тебя наступил сухой закон... по крайней мере, пока рана не заживет. Во-вторых, ты что не слышал трубы? Гренадеры Его Величества уже выступили в путь. Надо разузнать про этих ирокезов, а уж потом брать тех беглецов-англичан, переметнувшихся на сторону полосато-звездных ублюдков.

– Свое задание выполняй сам, Джон, – ответил Митчелл, садясь на кушетке, – моих парней в это не втягивай. Нам было приказано расчистить форт, что мы и сделали. Еще по возможности устранить прочие помехи на пути дальнейшего расширения Английской Колонии. То бишь, я сейчас встаю, собираюсь и отправляюсь догонять гарнизон.

– Остынь, старина, – я подошел и примиряюще положил руку на плечо, собравшегося вставать капитана. Рука легка по-дружески, но жестко, – предоставь краснокожих мне, а сам отлежись пока. Я знаю, ты рвешься в бой, но сейчас я возглавляю эту кампанию, а значит, ты обязан выполнять

мои приказы.

Митчелл побагровел, глаза выкатились. Я счел бы это за последствия пьянки, но он же был трезв.

– Ах, ты скот! Я сам себе приказы отдаю! Эти твари изрубили вчера на куски пятерых моих парней! Я не буду сиднем отсиживаться, пока ты там собрался дипломатию вести с ними! Рубить надо этих краснорожих!

– Успокойся, говорю! – Я тоже начал злиться. Мало того, что жизнь ему сохраняю – не известно, что там будет с ирокезами, вдруг сражение очередное – так этот вояка хренов еще и оскорбляет, приказы не слушает и драться хочет, словно мальчишка, у которого старшие отняли деревянную саблю.

Мы так и стояли, пялясь, как дураки друг на друга, пока молнию между нами не разрядила сестра из монастыря. Она принесла бинты и воду на перевязку раны Митчелла. Ее появление разрядило ситуацию.

– Ладно прости, Джони, – выдавил из себя Дэн, – Пожалуй ты прав, полежу еще денек.

Его рана начала кровоточить. И он снова лег.

– Хорошо, Дэн. Я уже засиделся у тебя. Боюсь придется поспешить, чтобы вовремя прибыть на разъезд. Выздоровляй, старина. Я зайду к тебе после возвращения.

Я вышел, краем глаза заметив, как сестра начала смачивать бинты.

Разъезд находился на равнинной местности. Здесь было жарко, но духота и влажность южных болот должны были скоро отступить, потому как нам только предстояло ощутить свежий воздух Миссисипи – до реки оставалось еще три мили. Мой отряд уже повернул на север, и теперь солдаты шагали по пыльной дороге, забиравшей немного на восток, к реке. В пойме Миссисипи нам нужно было пройти еще около семи миль, чтобы выйти к поселению чероки.

До прошлой ночи я мало, что знал об этих местных жителях и с глупыми мыслями в голове считал, что наше прибытие не вызовет такой очевидной и яростной агрессии.

Подумав об индейцах, я вспомнил свой несостоявшийся поединок с чудным и таинственным Кухулином – здоровенным чероки, который вопреки логики отказался вступить со

мною в схватку.

«Вот так и происходит, Джон, – говорил я про себя, – один краснокожий мыслит, как ты. Хотя он тебя даже не знает толком. А человек, который прослужил с тобой пять лет, презирает твои миролюбивые взгляды и попытки пройти дипломатическим способом этот жизненный путь. Ну, как этот упертый осел Митчелл не понимает, что это не наша война и не наша земля, и умирать здесь ради кучки индейцев и пары перебежчиков из Англии – глупо. Вся эта война пропитана корыстью верхушки и глупостью офицеров. Господи, о чем я вообще думаю! Мне просто нужно разобраться сейчас с этими чероки».

На следующее утро, после бездумного нападения, Кухулин Серый глаз проснулся с восходом солнца. В ночном сражении он участвовал совсем немного – оглушил парочку англичан и еще трех французов из жителей форта. А потом просто побрел домой. Он, как и Джон Фердиад, был весьма удивлен неожиданной встречей у перевернутого обоза.

И сейчас, после беспокойной ночи, индеец не прекращал

думать об англичанине, которому, как и ему, опротивела война.

«Много лун назад я встречал такого же чужеземца. Но я и не представлял, что так скоро увижу человека, ненавидящего смерть также сильно, как и я сам, – размышлял чероки, выгоняя лошадей на пастбище, – он наверняка придет, и придет не один. Сам он не захочет войны, а захочет объяснений и мира. А вот те, кто прибудут с ним, будут разговаривать оружием».

Через несколько часов Кухулин уже натачивал свое копье, потому что одним из первых увидел, как на горизонте появились чужеземцы. Он уже тогда составил свой план действий.

К Фердиаду подъехал лейтенант Шпинг.

– Сэр, впереди поселение чероки. Уже виден дым от костров.

– Хорошо. Спасибо, Джеймс. Двигаемся вперед.

Два отряда гренадеров, за две небольшие битвы потерявшие двадцать отличных солдат, двинулись по широкой дороге, тянувшейся вдоль реки Миссисипи и проходящей мимо деревни речных индейцев.

Через час англичане вышли на широкое поле перед поселением краснокожих. Взору капитана Фердиادا представились два десятка высоких вигвамов, сложенных из шкур коров и лошадей, а также полдюжины деревянных строений, видимо оставленных еще голландскими первопроходцами – вид у них был сильно обветшалый. Но судя по всему, смекалистые и изворотливые чероки сумели приспособить дома под свои нужды и быт. Деревянные постройки находились поодаль от вигвамов, выстроенных традиционно, кругом. В центре – большая площадь с костром и идолом предков. Всю деревню по периметру окружал невысокий, но плотно сооруженный частокол.

– Я думал, что индейцы не строят частоколов, – произнес поравнявшийся с капитаном солдат. Он был из отряда Митчелла и замещал умершего вчерашним днем лейтенанта Уиллера. Вместе с ним к Фердиаду подскакал лейтенант Шпинг.

– Сэр, – обратился к Джону его лейтенант, – это Майлз Шепард. Он замещает покинувшего нас Уиллера и попросил

меня просить вас – возвести его в лейтенанты.

Фердиад стоял чуть впереди и поэтому после слов Шпинга полуобернулся в седле. Внимательно посмотрел на молодого Шепарда – тот держался молодцом, не отрывая взгляда от капитана – и произнес.

– Ты же из отряда капитана Митчелла. Вот пусть он и повышает тебя.

– Сэр, – ответил Шепард, – мне сообщили, что из-за ранения и буйного поведения капитан Митчелл временно отстранен от командования нашим отрядом. Поэтому прошу вас, сэр, оказать мне честь и возвести меня в звание лейтенанта, чтобы я мог доблестно нести службу и помогать вам и армии Его Величества.

После такой чеканки и смелого взгляда Фердиад довольно улыбнулся.

– Что ж, Шепард, хотите умереть за Британию в звании лейтенанта, так тому и быть. Поздравляю, вы лейтенант. Официальные бумаги составим по прибытии в форт. А что касается вашего первого замечания в адрес наших немирнолюбивых краснокожих соседей, то предположу, что частокол чероки возвели совсем недавно. Может быть. После нашего

с ними первого сражения после высадки. Да, видно, что сделали они его и эти ворота наспех. И насколько я осведомлен, частоколы не сродни индейцам, и факт остается фактом... Я надеюсь, теперь вам ясно, зачем здесь эта ограда?

– Так точно, сэр. Ясно. И спасибо за оказанную честь. Я не подведу вас, капитан!

– Не спешите так радоваться, лейтенант Шепард, – ответил Джон, который уже устал наблюдать за тем, как очередной юнец с реденькой бородкой, рвется в бой, умирать ради эфемерных идеалов, рушащихся после пары лет войны.

Джон еще раз взглянул на Шепарда и Шпинга, а затем перевел взгляд на поселение индейцев. Там все было тихо, словно и не ждали воинственные ирокезы ответного хода противника.

– Что ж, давайте «постучимся в двери». Шпинг трубите сигнал о наступлении. Подойдем чуть ближе и посмотрим, что эти краснокожие сделают.

Прозвучала трубная мелодия, призывающая идти вперед.

Но не успела сотня гренадеров пройти и двадцати ярдов, как небольшие ворота деревни открылись, выпуская наружу

войско ирокезов.

Их было примерно столько же, сколько и англичан. По крайней мере, Джон успел на глаз прикинуть именно так.

Ирокезы равномерно заполнили часть поля, встав в две шеренги полукругом.

Фердиад был весьма удивлен, увидев в толпе аборигенов знакомую рослую фигуру Кухулина Серого глаза.

«А говорил, что драться не любит», – подумал Фердиад.

Хотя он быстро понял – по недовольному взгляду здорового индейца – что Кухулина скорей всего просто заставили выйти для устрашения врага. Толстое и смертоносное копьё было при индейце.

От полукруга отделились двое и на пару шагов вышли вперед.

– Шпинг.

– Да, капитан.

– Поедешь со мной на переговоры. Шепард.

– Сэр?

– Следи, чтобы никто из наших не сдвинулся с места.

– Будет исполнено.

Капитан и лейтенант выехали вперед и направились к чeroки.

Подскакав на расстояние пяти ярдов, они спешили и подошли к индейцам.

Их встретили вождь («Тот самый Свистящий ветер», – подумал Фердиад) и шаман племени – это было понятно Фердиаду по длинным и большим головным уборам, а еще по жезлам, которые держали ирокезы. По смуглым хмурым лицам сложно было определить возраст вождя и шамана. Но Джон вполне был уверен, что они гораздо старше него.

Выражение лиц и позы напряженных тел говорили сами за себя.

– Ты, белый человек, и твоё племя уходить немедленно с земли речных чероки! – враждебно приказал вождь на ломанном английском. Шаман утвердительно и резко кивнул, не сводя взгляда с капитана гренадеров.

– Вы уже два раза нападали на наш форт, разоряли его и убили при этом много моих людей, – ответил невозмутимым тоном Фердиад, – это вы должны поплатиться за свои деяния.

Вождь и шаман хотели было протестовать, но Фердиад примиряюще поднял руку и закончил.

– Но я не хочу войны. Поэтому помогите нам, помогите белым людям – возместите нанесенный урон, заплатив нам едой, золотом и шкурами, а также пообещайте, что никогда больше ни один чероки из вашего поселения не перейдет границы форта и не причинит вред белым людям.

Вождь и шаман начали активно шептаться. Пока они это делали, Джон украдкой взглянул в сторону своих солдат – все было спокойно – затем повернул голову и обратил взгляд через плечо низкого шамана и посмотрел на Кухулина – тот стоял невозмутимый, и казалось, что все эти переговоры и намечающаяся битва его никак не касаются.

Вождь с шаманом перешли на крик, и после пары резких фраз шаман повернулся к Фердиаду и Шпингу и прорычал.

– Вы наглый белый человек! Уходить отсюда! Забирать свой народ! Покинуть форт! Быстро!

– Нет. Мы не уйдем, – Фердиада разозлил тон шамана, но чего-то подобного он ожидал, поэтому легко сохранил самообладание.

– Тогда вы умереть! – сказал вождь. А разъяренный шаман еще раз резко кивнул.

После чего оба развернулись и направились к своим войнам по дороге громко крича.

«Видимо, командуют наступать», – подумал Джон.

– Так, Шпинг, переговоры окончены, трубите атаку!

По сигналу трубы английские гренадеры ровным строем двинулись навстречу индейцам. Затрещала мелкая дробь барабанов. Над землей индейской Америки поднялся Юнион-Джек, сообщающий о том, что матушка Англия решила разобраться с местным диким населением Нового Света.

«Как же глупо все! – ругался в мыслях Джон, – Упрямые краснокожие! Я тоже дурак – неуместная гордость и властолюбие!.. Откуда все это во мне?!»

Но слова уже были сказаны, приказы отданы, и наступило время решить, кто умрет первым, а кто останется стоять, когда отгремят выстрелы и сабли с томагавками перестанут резать плоть.

Похоже, индейцы тоже не собирались медлить. Их разноцветные ирокезы на головах начали маячить все чаще и быстро приближались к центру поля. Чтобы раззадорить себя и впасть в Раш, аборигены кричали, размахивали топорами и копьями, у некоторых имелись ружья, которые были заряжены – нужно были лишь сократить расстояние. Так, чтобы выстрел наверняка значил неминуемую смерть.

Глядя, как две небольшие армии сходятся все ближе и ближе, Джон Фердиад заметил, что в первых рядах индейцев, рядом с крепким вождем и худым, но разъяренным шаманом, бежит его знакомый, Кухулин.

«Не ожидал, что ты изменишь свое отношение к войне, – мысленно обратился Фердиад к огромному ирокезу, который уже опередил вождя, но выглядел совершенно спокой-

ным и не взмокшим, – ты же не таков. Кухулин!» Будто в ответ на мысленный диалог англичанина, могучий чероки несколькими рывками ушел в отрыв от соплеменников, обогнал их на десяток ярдов, а затем совершил совсем неожиданный трюк. Резко остановился, воткнул огромное копьё в землю, пристально обвел взглядом приближавшиеся отряды гренадеров, а затем развернулся к своим и неистово закричал.

– Ahledi!!! – его мощный рев разом перекрыл крики племени и барабанную дробь гренадеров, – Ahledi niqwadv!

Индейцы резко остановились. И от этого неожиданного жеста остановились и англичане.

Фердиад, успевший вновь вскочить в седло, пораженный смотрел на Кухулина Серого глаза.

А тот удовлетворенный эффектом, повернулся к англичанам и пристально взглянул на Джона. Всего пару секунд они смотрели друг на друга. Капитан английский гренадеров, ненавидящий войну, и воин из ирокезов, обладающий столь же сильной ненавистью как к самой войне, так и к пришедшим захватчикам.

За этот короткий миг Фердиад понял, что произойдет

сейчас, и что случится в дальнейшем. Он видел все эти события столь же ясно, как ясно и понимал, что от него самого зависит дальнейший исход их кампании.

Пока Фердинанд раздумывал над этим, Кухулин подошёл к вождю и шаману своего племени и начал с ними шептаться о чем-то. Джон, конечно, не слышал разговора индейцев, но разгневанные и одновременно растерянные лица правителей заставили капитана напрячься.

После короткого разговора Серый глаз снова отделился от армии чероки, но на этот раз останавливаться посреди поля не стал, а сразу направился к Фердиаду, которого заметил ещё во время первого рывка.

Уверенный взгляд Кухулина мог значить только одно – он намерен драться. Но как в одиночку воевать с целым гарнизоном вымуштрованных и вооруженных солдат? Да и зачем индейцу-пацифисту все это? Ответов у Джона не было, так же, как и желания сражаться и убивать доблестного воина из племени чероки. Капитан гренадеров спешил и вышел вперед. Затем обернулся и обратился к двум лейтенантам.

– Господа офицеры, будьте наготове. Если этот индеец

что-нибудь сделает со мной, убейте его и всех остальных. А затем найдите уже этих беглых английских подданных Его Величества и арестуйте. Англия превыше всего, – он на секунду замолчал, глядя на приближающегося огромного Серого глаза, – Шпинг.

– Да, сэр.

– Если этот индеец убьет меня, то командовать первым гарнизонным отрядом будете вы. Считайте, это вашим повышением.

После этих слов он молча направился к Кухулину.

Поле, вместившее в себя две маленькие армии, казалось сейчас Кухулину совсем небольшим, хотя в детстве он привык бегать по нему и играть с другими детьми. Поле казалось ему целым океаном из песка и пыли.

Сейчас этого участка земли было мало, особенно для таких страшных, непримиримых врагов.

Белый человек, Фердиад, оказался благородным командующим. Поэтому Серый глаз направился именно к нему. «Я исполню то, что велели мне духи предков чероки на вчерашнем «разговоре». Хватит проливать кровь. Ни белые люди, ни ирокезы не заслужили такой участи. Пусть прольется кровь лишь его, Этого белого. Он благороден – он готов вступить на Путь и отправиться к предкам. Остальные белые недостойны этого. Этот Фердиад смелый муж и воин. Я сражусь с ним, и все будет кончено».

Они сошлись по середине.

– Мы будем драться.

Это произнес Фердиад.

Эта ясная мысль, сверлящая своим светом его разум, закралась к нему в ту секунду, когда Кухулин остановил своих.

– Да, белый человек, Фердиад, мы будем драться. Если я убью тебя, то твои люди уйдут своей дорогой навсегда. Если же ты убьешь меня, то чероки выполнят то, что ты сказал вождям.

Задул ветер и поднял старую пыль вверх, в некоторых местах круглого поля образовывая завихрения. Фердиад прикрыл рукой лицо. Кухулин стоял неподвижно.

– Послушай, смелый Кухулин, – произнес Джон, – нам с тобой не зачем сражаться. Нам, англичанам, ведь совершенно не важно, что вы, чероки, будете делать после нашего ухода. Мы не собираемся захватывать ваши земли. Мы приплыли за группой людей, которые должны нашему королю много денег. А вы на нас напали во время высадки и безжалостно убили многих наших товарищей. Именно поэтому я сейчас здесь. Просто попроси своих вождей отдать нам часть еды и шкур. На этом разойдемся. И не надо будет колоть и резать друг друга. Я ведь знаю, ты не хочешь этого. Я тоже не хочу.

Последнюю часть фразы Фердиад произнес, чуть ли не задыхаясь от подступившего отчаяния и ярости.

Но его слова не тронули Кухулина.

– Чероки враждебный народ. Мы свободны – вольны делать свой выбор. Поверь, вождь и шаман не согласятся. Поединок – последний выход.

Взгляд индейца не выражал ничего. Пустота, и одновременно вся вселенная. Карие огни, готовые пожрать любого,

кто встанет на пути ирокеза. Он это пламя справедливо, – подумал Фердиад.

Капитан гренадеров вздохнул и произнес.

– Будь, по-твоему. Но видит бог, я не хочу сражаться с тобой. Будь вообще проклята эта война.

– Война есть война, белый человек, смерть всегда рядом с ней. Лучше пусть умрем мы с тобой, чем много других людей.

– Что ж, будем драться, пока у одного из нас не кончатся силы? Три дня, думаю, хватит?

– Поглядим, белый человек. Поглядим.

Джон еще раз осмотрел все поле, от своих отрядов, до неровного полукруга чероки. Затем кивнул. «Драться так драться. Давно пора уже прекратить эти мытарства с войной».

Кухулин тоже кивнул в ответ.

После этого они разошлись.

Фердиад подошел к гренадерам задумавшийся, и поэтому новоиспеченный молодой лейтенант Майлз Шепард не сразу решился подойти к нему.

– Сэр, приехал гонец с донесением, – все-таки произнес Шепард, когда Джон подошел к своему коню и достал походную флягу.

– Что там, Шепард?

Лейтенант протянул капитану бумагу. Фердиад, сделав пару глотков воды, взял донесение и молча прочел его.

– Хм, хорошие новости, Майлз. Позови Шпинга сюда.

Когда оба лейтенанта подошли к своему капитану, тот стоял и спокойно смотрел на то, как чероки уходят за стены своего поселения, чтобы с безопасного расстояния наблюдать,

как их самый могучий воин будет сражаться с воином белых захватчиков.

– Сэр...

– Господа, – перебил Шпинга капитан, – я буду сражаться с индейцем Кухулином. Такого требование индейцев – битва по обычаям их племени.

– Эм, капитан, но разве это не средневековые ветхие замашки, – сказал Шепард, – мы же с вами живем в современном мире. Мы же можем просто перестрелять всех этих краснокожих и...

– Никто не будет здесь стрелять без моего приказа, офицер!

Фердиад подошел ближе к гренадерам.

– Слушайте. Я принял решение. И вот каков будет мой приказ. Во-первых, в том докладе, который вы мне принесли, Шепард, сказано, что беглецов и должников Его Величества нашли в десяти милях отсюда. Там есть небольшая плантация. Поэтому вы, Шепард, сейчас возьмете свой отряд и отправитесь производить арест. Все официальные бумаги я вам выдам. В это время вы, Шпинг, направите мой отряд

обратно в форт. Его тоже надо охранять. Приказы ясны?

– Да, капитан.

– Теперь слушайте, со мной я оставлю трех солдат, если через три дня они вернутся без меня или вообще не вернутся, то не вздумайте отправлять сюда карательный отряд. Суть нашей с Кухулином битвы в том, что если я одолею его, то индейцы выплатят нам компенсацию. Если же он убьет меня, то англичане покинут форт.

– Капитан, при всем уважении, но это безумие, – произнес Шпинг.

– Да, я согласен с тобой. Но почему же безумие не должно быть выходом из ситуации.

– Может просто стоит покинуть это поле, и отправиться за беглецами? – предложил Шепард.

– Логичное решение, лейтенант... – сказал Фердиад, – но тогда вы обречете жителей форта на верную гибель. Судя по враждебному настрою вождей этого племени, они продолжат свои набеги, после нашего отплытия. Поэтому я остаюсь. Это решено. Что ж, господа, мне больше нечего вам сказать... кроме того, чтобы вы оба берегли свои жизни. До ско-

рого.

На этом капитан Джон Фердиад взял своего коня под узды и направился к ветвистому дереву, чтобы подготовиться к битве с индейцем Кухулином.

Солнце палило со всем неистовством, на которое может быть способно полуденное июльское светило. Несильный ветер поднимал в воздух пыль и небрежно швырял её под ноги двух людей, стоящих на против друг друга.

Рослый сильно загорелый индеец с раскрашенным красной краской лицом и внушительным ирокезом на голове смотрел на своего противника, одетого в красно-белый мундир английских пехотных войск.

Взгляд индейца, пронзительный и спокойный, сейчас блеснул искорками любопытства.

Кухулин не сомневался, что Джон Фердиад согласится на поединок, чероки не знал, как отнесутся к этому другие белые люди. И поэтому он удивился, когда увидел развернув-

шиеся отряды, марширующие – один по направлению к форту, другой – по дороге на северо-запад от его родной деревни. Кухулину Серому глазу стало любопытно, как теперь поведет себя белый человек в мундире, стоявший перед ним: как будет драться, ведь им еще не приходилось биться один на один – тот краткий миг вчера у разбитой повозки не в счет. А еще индеец заметил, что Фердиад стал более суровым и мрачным. Было ясно, что капитан гренадеров не хочет принимать бой и делает это лишь потому что всего за пару дней начал уважать индейцев как достойных соперников.

Сам же Фердиад по его разумению уважал лишь одного краснокожего, того, кто стоял сейчас перед ним и решился умереть за всех своих сородичей.

Капитан был в пыльном мундире с перевязью сабли, ружье и пистолет он оставил Уолтерсу, одному из двоих солдат, которым приказал стеречь его коня, оружие и скудный провиант, состоявший из фляги с водой и двух кусков хлеба. Хенсон, второй гренадер, привязывал капитанского скакуна к ветви дерева.

На поле стояла тишина, если не считать гулявшего ветра.

Джон Фердиад стоял напротив Кухулина Серого глаза и ждал.

Индеец тоже ждал.

Между ними было примерно два десятка шагов, но пока ни один из воинов не сделал ни единого.

Кухулин держал в правой руке мощное копье на толстом древке. Габульга. Так он назвал свое оружие, которое сам выковал и приладил много-много лун назад. Это было примитивное оружие даже для чероки, но Кухулин уважал Габульга, потому что то много раз спасало ему жизнь в трудных боях. Копье наказал ему сделать его отец, Чингалур Ястребиный взор, который умер вместе с остальной семьей Кухулина в битве с колонистами. Именно после смерти отца, а точнее после торжественного погребения и перехода духа Ястребиного взора в чертоги предков, Кухулин сделал Габульга, и с тех пор редко, когда выходил из своего вигвама без верного друга.

Фердиад тоже был благодарен своему оружию, старой, но отлично сохранившейся сабле из булатной стали, с отменной балансировкой и гардой закрытого типа. Имени у сабли Джона не было, зато он ее часто называл верной подругой. И снимал перевязь с оружием только в самое тихое время (которое случалось все реже). К тому же, Джону не раз приходилось отдавать свою саблю кузницу на заточку и мелкий ремонт. Трудно было назвать это оружие идеалом гренадерского арсенала восемнадцатого века – более молодые офицеры из полка, где служил капитан Фердиад, называли его саблю устаревшей и не модной – зато она верно служила ему и спасала несчитанное количество раз. Взять хотя бы вчерашнюю ночь. До того, как фургон, за которым укрывался от обстрела Джон, был взорван, а сам гренадер был отправлен напрямик в кювет, верная подруга капитана успела заколоть и зарубить не меньше пяти краснокожих.

Сейчас же сабля Джона весела у него на боку, ожидая, когда же ее пустят в бой.

Сам Джон булатную подругу легонько похлопывал по эфесу, при этом не отрывая взгляда от своего дородного противника с таким же огромным копьем в руке.

«Сейчас начнется сражение», – подумалось Фердиаду.

Кухулин пару раз легонько, словно веточку, перекинул Габульга из рук в руки, и направился в сторону Джона. Конечно, у индейца были еще и другие инструменты для отнятия жизни: два томагавка по бокам и один нож сзади, за поясом.

Джон, кроме сабли, имел еще аккуратный стилет за поясом и еще один кинжал, но поменьше в правом сапоге.

Но когда воины начали сближаться, то им обоим стало понятно, что главными в этой партии будут сабля Джона и копье Кухулина.

И как только между ними осталось всего три шага, оружия смерти встретились.

Кухулин первым сделал колющий выпад прямо в живот англичанина, но Фердиад легко блокировал удар, отбив Габульга вправо. Сам он в это время успел уйти влево и вперед по диагонали и, вывернув правую руку с саблей, рубанул

Кухулина с той же правой от себя стороны. Но индеец просто сделал быстрый шаг назад, и сабля Фердианда рассекла воздух.

При этом сам Кухулин успел перехватить копьё в левую руку, поближе к наконечнику, и когда Джон отставлял правую ногу назад, ударил того древком в грудь.

Удар был ощутимый, но я его выдержал, отступив всего на шаг, при этом равновесие сохранил и успел замахнуться сверху на этого индейца.

Но моя булатная подруга снова рассекла лишь воздух, а не плоть.

Я выругался, потому что видел по перестановке ног Кухулина, что тот собирается сделать выпад вперёд и влево с последующим разворотом вправо. Я же просто не успевал сгруппироваться и подготовиться к его атаке. Поэтому, собравшись сделал неуклюжий кувырок вперед и ткнул саблей в пах противника. Но Серый глаз мою идею разгадал и легко отбил саблю своим копьём, ударив древком сверху.

Как только по округе разнеслись первые удары оружия, деревня чероки оживилась. Все, от стар до млад собрались у входа, чтобы лучше видеть, как сражается лучший из них.

Солдаты Фердиада тоже привстали с земли и даже отошли от импровизированного лагеря на пару шагов, чтобы лучше рассмотреть битву их капитана.

Ветер перестал носить пыль и песок туда-сюда и тоже замер, словно боясь помешать соперникам. Птицы перестали щебетать. И даже великая река Миссисипи уняла свои шумные воды, чтобы от них не доносился сейчас до поля, где Кухулин и Фердиад наносили друг другу страшные по силе удары.

В таком замершем мире шел бой. Тишину разрывали лязги оружия, шорох быстрых ног и тяжелое дыхание смертельных соперников.

Солнце уже клонилось к закату, постепенно лишая мира

своего света. Сумерки входили в свое право.

И вот уже Фердиад нанес Кухулину ощутимый удар набалдашником эфеса в грудь, словно отомстив за подобный удар индейца.

Серый глаз отошел на пару шагов, но быстро реабилитировался, крутанув своим копьём в воздухе, выписав при этом цифру восемь и успев задеть Фердиада за плечо.

Англичанин не успел отразить удар или увернуться. Его спасло то, что ударило его древко, а не наконечник. Зато удар был такой силы, что правая рука капитана тут же повисла, сабля выпала, а сам офицер упал на одно колено.

Я, наконец, достал этого белого человека своей Габульга. После моего удара он упал на колено, и я услышал его тяжелый вздох. В этом вздохе было столько смертельной усталости и боли, а во взгляде столько печали, что я остановился.

Не должно чероки отправлять белого человека Фердиада к его праотцам с такой ношей в душе.

– Хватит, – сказал я.

Фердиад посмотрел на меня, взгляд его прояснился, но ответил он с трудом.

– Что ты сказал? Что значит хватит, Кухулин?

– Три дня. Ты сам так сказал, белый человек. Бронзовый диск почти скрылся за краем мира. Сделаем перерыв. Завтра утром начнем бой.

Я оглядел этого мужчину. Средний рост, вся одежда в пыли. Лицо тоже, и на нем лишь голубые глаза яркое пятно. Сверху хвост темных волос, прилипших к лицу. Плечо у него явно вывихнуто, вряд ли сломано – я все-таки бил не в полную силу. Ночью оклемается.

– Отдохни, – произнес я напоследок и ушел.

Когда Кухулин развернулся, чтобы уйти к себе в деревню, Фердиад встал. Хоть и далось ему это с невероятным трудом

– право плечо страшно болело и пульсировало – но все же одной попытки для взгромождения себя на ноги ему хватило.

Джон даже не стал спрашивать у индейца, почему тот так резко прервал сражение, не добив раненного Фердиада.

«Хочет честного боя, без всяких ранений – ясной смерти от холодной стали, а не ломая кости. Три дня, так три дня. За это время с американцами будет покончено. Их поймают, а остальные не будут нападать на индейцев – побоятся гнева Его Величества».

С этой мыслью Фердиад встал и отправился к своим солдатам. Добравшись до еды и воды, он молча быстро все съел, а затем велел Хенсону отправиться в форт и привезти еще еды.

Потом он лег спать и проспал до первых лучей солнца.

Второй день начался с того, что меня разбудила боль в раненном плече. Вся правая сторона тела ныла так, что никакая утренняя разминка и даже бодрящее купание в Миссисипи не дали результатов. А к моменту, когда солнце оконча-

тельно взошло из-за горизонта, к плечу еще добавились и отстреленные ранее пальцы. «В общем, Джон Фердиад, ты чертова старая развалина, которая уж точно сломается под ударами этого здоровяка-индейца. Да, не долго тебе осталось».

Уолтерс ждал меня в лагере в компании прибывшего из форта Хенсона. Второй хоть и выглядел уставшим, зато улыбался, словно только что вышел из борделя в Портсмуте.

– Сотри эту ухмылку со своего лица, Хенсон. И говори, что у тебя, – я был раздражен из-за накатывающей боли.

– Прошу прощения сэр, – начал рыжеусый Хенсон, – капитан Митчелл просил доложить вам, что его отряд во главе с лейтенантом Шепардом схватили беглых англичан и доставили в форт. Отряд снова возглавляет Митчелл.

– Похоже старый плут оправился от ранения...

– Похоже на то, сэр.

– Пленных допросили? Украденное у короля имущество изъяли?

– Да, капитан, – Хенсон снова улыбнулся, – теперь мы можем плыть домой, сэр!

«Вот и все, – подумалось мне, – миссия в Колонии выполнена. Его Величество Георг III наградит и меня, и Дэна. С войной покончено... Так почему же я все еще жажду поединка с этим индейцем? На кой дьявол он мне сдался?!»

Не успел Фердиад отдать приказ о сборах, как Хенсон указал ему на поле.

– Смотрите, сэра, краснокожий пришел. Машет вам.

Кухулин стоял в центре круглой поляны. Никто из индейского поселения не следил за предстоящим поединком, словно все чероки итак были уверены, что их могучий воин одолеет наглого белого человека. Лишь изредка ребягня выбежала к краю деревни, и то для того, чтобы достать улетевший волан или деревянный томагавк.

Увидев Серого глаза, Джон сразу забыл о своих ранах – встал и, взяв снаряжение, отправился на встречу, как ему ра-

нее казалось, с судьбой.

– Доблестный Кухулин, послушай, – начал Фердиад, но индеец прервал его, подняв руку.

– Мы будем сражаться, белый человек. Такова наша судьба- один из нас отправится к праотцам. Ты сделал свой выбор, когда согласился биться со мной. Теперь же не отступай от своей цели.

Джон вздохнул и устало посмотрел в глаза Кухулину.

Он думал, что обнаружит в них такое же пламя, какое пожирает каждого воина, берущего в руки оружие и бегущего на врага, но не было в карих глазах Кухулина ярости, там была лишь решительность, с которой умелый мастер исполняет свою работу. А еще там была жалость и печаль всего народа, которому крепко досталось и еще достанется.

«Но только не от меня и моих солдат», – подумал Джон.

– Я объясню тебе, что произошло, могучий Кухулин. Мои воины схватили тех, на кого мы охотились. Именно из-за них я прибыл сюда. И теперь моя миссия выполнена и мне нужно

отплывать. Мы не будем сражаться с тобой, потому что я не хочу твоей смерти... да и сам пожил бы еще немного.

– А как же твое обещание о том, ни один белый не нападет на мою деревню?

– Боюсь, что даже моя смерть не остановит продвижение белых людей на запад и юг. Но я ручаюсь, что мои солдаты уже завтра отплывают из Америки... останутся лишь жители форта... на который вы, кстати, напали.

– Мой народ изгнал из этого места одних захватчиков, но тут же появились другие – вождь разгневался, а шаман сказал, что духи предков велют истребить это белое враждебное племя.

– Вот! Видишь, как получается! – Фердиад даже воодушевился, – американцев вы изгнали, а мы отплываем сами! Никто к вам лезть не будет! А ты пообещаешь мне, что ваше племя не будет нападать на мирных жителей форта и вообще ни на каких других белых людей, если только те сами не проявят агрессию!

– Что такое «агрессию»?

– Эм... враждебность, жестокость... Ну, что согласен на

такие условия мира между нашими народами?

Кухулин нахмурился. Было видно, что он обдумывает сказанное Джоном.

А капитан гренадеров осознавал, что сейчас решается судьба многих людей, и что, пожалуй, он взвалил на себя непосильную ношу. Не его это дело, как тут сожительствоуют местные индейцы и покинувшие Англию колонисты, возомнившие себя отдельным государством. Да и не умел раньше мирные договора заключать Джон Фердиад. Но, видимо, сейчас его поджидал успех, потому что по взгляду Серого глаза он понимал, что мысленно ирокез соглашается с ним.

– Будь по-твоему, Джон Фердиад. Если можно избежать смерти, то так и сделаем. И ты прав, я тоже не хотел бы лишать тебя жизни. Я все объясню своим вождям, мы проведем обряд, и духи будут замилостивлены. Могу поклясться своим сердцем и скальпом, что чероки из речных ирокезов больше не будут нападать на дома белых людей.

– Отлично! – улыбнулся Джон, – Смерть на сегодня отменяется. Я этому только рад, ведь ты, Кухулин, славный мальчик.

Джон даже повеселел, он был по-настоящему доволен тем,

больше никаких драк не будет, он спокойно вернется в Англию и уж, наконец-то, уволится со службы.

– Спасибо тебе, белый воин, Фердиад, – ответил ему могучий Кухулин, – Ты лучший из белых людей, с кем мне приходилось сражаться.

Джон учтиво поклонился.

– Хотя... твои выпады не так остры и опасны, как лезвие твоей сабли.

– Что!?! – воскликнул, не веря своим ушам, капитан гренадеров, – Ты считаешь, что мне не удаются удары? Может ты еще урок мне преподашь по фехтованию или сражению, скажем, на копьях. А?

– Я не уверен, что смогу научить тебя правильно. К тому же мастерство и знания ирокезов нельзя доверять чужакам.

– Да ладно, будет тебе. Скромный, да еще и чтить традиции! Неужели я не достойный воин? Ты ведь меня сам таковым назвал.

Кухулин вновь призадумался.

– Если бы родился среди нас, в этих прериях, и твоя кожа была бы смуглее, то ты бы, Фердиад, стал бы могучим воином ирокезов. Но так как ты белый человек... мне идетса смириться с этим недугом, – индеец улыбнулся, – и поучить тебя в таком обличи. Возможно, когда твой дух покинет это тело, то найдет новое пристанище в облике достойного мужа, среди какого-нибудь племени индейцев. И тогда твои знания из прошлых жизней пригодятся тебе.

Фердиад довольно улыбнулся.

– Что ж, давай поступим так: ты сходишь в свое племя и разнесешь добрую весть о мирном договоре. Я пойду к своим солдатам и велю им скакать в форт и доложить о подготовке к отплытию. А потом, пусть это будет полдень, мы с тобой вновь скрестим оружие посреди этого поля в тренировочном бою. К закату я уйду в форт и отплыву на юг на рассвете следующего дня. А еще через несколько дней окончательно распрощаюсь с Новым светом. А ты будешь жить в мире долгие годы.

– Тому и быть, – ответил Кухулин и, вытащив из земли свое копьё, зашагал в сторону поселения.

Как же я был рад, что мне не придется отнимать жизнь у Джона Фердиада. Мы сразимся лишь единожды, чтобы я мог показать ему несколько приемов в бою. Но до этого мне нужно рассказать все Свистящему ветру и Ясному взору. Они хоть и являются вождем и шаманом племени, но их разум давно зачерствел, они испытывают нескрываемую ненависть к белым людям. И я думаю, весть об отходе чужаков понравится им. Мне необходимо усадить обоих в круг костра и выкурить вместе трубку мира. Думаю, это поможет.

Обычно старейшины чероки собирались в священный круг у костра только после заката солнца и выкуривали трубку мира очень медленно, пуская ее по кругу ветхих морщинистых рук. Но сегодня повод был особенным, поэтому вождь Свистящий ветер сразу же согласился созвать всех уважаемых людей деревни.

Сидели все молча и лишь Кухулин Серый глаз, сильнейший и опытнейший воин и следопыт племени, говорил. Делал он это, как и все прочее, спокойно и с мирным выражением лица. Были те, кому план Кухулина не пришелся по душе, но большинство поддержало его. Из не согласных больше

всего возмутился и возражал шаман племени Ясный взор.

– Ты уверяешь нас, храбрый Кухулин, что белые люди больше не будут нападать на нас, но у тебя есть лишь слова этого чужака Фердиада. Как же нам верить тебе, если у тебя больше нет других доказательств твоей и его правоты?

– Доказательства у тебя перед носом, – вступился за Серого глаза самый старей из общины, Говорящий с волками, – белые люди уплывают на другой край мира. А те, кто остаются угрозы для нас не представляют.

– Ты прав, старейшина, – поблагодарил Кухулин.

– Что ж если так, то предлагаю обменяться с жителями форта ритуальными дарами, – заключил вождь, – а также взять клятву с капитана, что уплывает, и с других белых людей.

Вождю никто перечить не стал- все закивали и продолжили выкуривать дивные благовония и табак трубки мира.

Через два часа, когда дело клонилось к полудню, Кухулин, индеец из племени речных чероки, стоял посреди поля и чесал лысую сторону головы, стараясь при этом не задеть свой черный гребень волос.

Кухулин ждал Фердиада.

А в то время, пока индеец выкуривал трубку мира, английский капитан гренадеров, приплывший из Старого света, отдавал приказы Хенсону и Уолтерсу.

– Запомните, без меня не отплывать. Вы уже разговаривали с вернувшимися капитанами кораблей?

– Так точно, сэр. Я говорил с обоими, – доложил Хенсон.

– Вы сообщили им, что за подобное дезертирство и трусость по прибытии в Англию их ждет арест?

– Да, капитан. Они аж затряслись! А капитан Митчелл напомнил им об украденном скипетре, они мигом заткнулись и перестали скулить.

– Он вечно переусердствует, – заметил Джон, а потом добавил, – собирайтесь и скачите в форт. Завтра на рассвете отплываем домой!

Капитан улыбнулся этой мысли. Удивляясь самому себе,

он отметил, что соскучился по Старушке Англии.

– А вы, капитан Фердиад, не отправитесь с нами? – осведомился Уолтерс.

– Не сейчас. Я задержусь, так как мне нужно решить еще одно дело с этим могучим индейцем. Я вернусь к вечерней похлебке.

– Какое это дело, может быть у вас с краснокожим?

– Надо узнать кое-что, и поставить точку в нашем неоконченном разговоре.

После того, как Хенсон и Уолтерс отправились в укрепление, возведенное бежавшими из Старого света поселенцами, я решил, что у меня есть еще время окунуться в расслабляющие воды Миссисипи. К тому же надо было перевязать и обработать рану на руке и размять мышцы перед дружеским боем с Кухулином.

Настроение у меня улучшилось, и преисполненный страстного желания искупаться, я вошел в реку. Дошел до того места, где пока еще не прогретая солнцем вода была мне

по грудь, и нырнул в глубины реки. Время словно замедлило свой ход, будто вяло текущая вода Миссисипи. Прохлада обступила меня со всех сторон, смыла с меня пыль дороги и оживила все члены тела.

Я хорошо искупался, и когда солнце подбиралось к зениту, уже с перевязанной раной одевался, пыхтя у самой кромки воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.